Глава 10.

Мать и дочь

По версии Чэн Шаошан: эта трапеза являлась семейным банкетом единения, таким же длинным как Млечным Путь, эта трапеза была семейным банкетом, прошедшим с успехом.

Что делали и чем были заняты все после окончания банкета: матушка Чэн выпила много чарок вина, да еще спела песню и постоянно шутила, некоторое время скверно потанцевав, была спешно уведена бабушкой Ху, поддерживающей ее под руку – она повела ее отдыхать во внутренние покои. Второй дядя Чэн Чэн, поднявшись с места и собираясь уйти (Чэн Шаошан только теперь заметила, что он немного прихрамывает), был остановлен Чэн Ши, который в один захват схватил его, не позволяя вырваться, по-братски растолковывая, что «хочет посидеть с ним и поговорить по душам», сопротивляющегося второго дядю Чэн уволокли прочь.

Беленький тучный ребенок Чэн Оу зевал и нянька увела его прочь, а большеглазая девушка Чэн Ян, низко опустив голову, последовала следом за младшим братом. Чэн Шаошан следила за ней за обедом, не спуская взгляда, и сначала думала догнать и «завести дружеское знакомство», кто бы знал, что госпожа Цин Ли потащит ее к стоявшей поблизости госпоже Сяо, объясняя «что ее хотят проводить».

Отец и сын из семьи Дун ушли удрученные, зато Дун Люй-ши вышла в приподнятом настроении. Госпожа Сяо всегда бралась за дело с незаурядной стороны, поэтому немедленно выслала вслед за ней двух охранников, таким образом, если бы отец и сын семьи Дун пожелали подвергнуть ее телесному наказанию, то охрана сразу же была бы способна дать сдачи; когда через несколько лет вся семья Дун и ее дела, как внутри, так и снаружи, будут у нее в руках, она уже ничего не будет бояться.

Госпожа Сяо с ее дотошным умом перед отъездом все же настойчиво наставляла Дун Люй-ши, сказав ей несколько фраз:

–К этому времени, исключая одно дело, отец и сын Дун в дальнейшем не смогут контролировать тебя. Предположим, что младший двоюродный брат Дун однажды лишится рассудка, отец захочет пойти в правительственный дворец пожаловаться на сына, шантажируя тебя детьми, как ты поступишь?

–Тебе не мешало бы сказать им, если не будет новых детей, что ты разорвешь брак и вторично выйдешь замуж, а незаконная продажа целыми телегами армейского имущества и факт присвоения частной земли в таком случае больше не будут считаться улаженными, и все это произойдет в случае, если они не согласятся скромно коротать свои дни. И тебе в любое время дозволено отправить мне сообщение, посмотрим, хватит ли у них сил жить дальше.

Стоящие по бокам госпожи Сяо госпожа Цин Ли и Шаошан обменялись растерянными взглядами. Госпожа Цин Ли вовсе не была удивлена странными речами госпожи Сяо, а

изумилась тому, что маленькая княжна была способна понять такие слова, Шаошан тем временем размышляла, что это весьма серьезное дело, когда отец подает в суд на сына.

Госпожа Сяо, повернувшись к ней, с легкой улыбкой сказала:

–Мой ребенок, что ты думаешь о том, что сейчас сказала твоя мать?

У Шаошан, застигнутой врасплох, глаза полезли на лоб. Обернувшись, она перевела взгляд на госпожу Цин Ли, затем на служанок из их окружения, сидящих на коленях с опущенными головами, в семи-восьми шагах от них в крытой галерее, кажется, что все они не слышали этих слов, а прислуге Гэ-ши не было позволено находиться вблизи них ближе, чем на один чжан. Шаошан снова подняла взгляд на госпожу Сяо, которая была выше ее более, чем на полторы головы, как вдруг увидела, что в ее ухе чуть-чуть раскачивается зеленый самоцвет, отражая холодное сияние снега на белоснежных верхушках веток вдалеке, и все это красиво бликовало на ее белой коже лица, от этого казавшейся все более и более нежной и безупречной.

–Ясно… Ясно… – выражение лица Шаошан выдавало ее колебания: – Матушка говорит совершенно правильно.

–О! В какой фразе совершенно правильно?

Взгляд госпожи Сяо холодный и мудрый, да и Шаошан была не робкого десятка, если бы она знала иероглиф «опасаться», то в свое время, в прошлом, никогда бы не получила прозвище Маленькой крутой школьницы.

–Каждая фраза матушки подходит. И для семьи Дун они хороши, и также хороши для семьи Чэн…– расплывчато сказала Шаошан.

Уголки прекрасного маленького рта госпожи Сяо приподнялись, некоторая насмешка виделась во взгляде, она спокойно смотрела на Шаошан и через очень долгое время сказала:

–Прежде отправляемся в твою комнату, – и тут госпожа Цин Ли внезапно стала подталкивать стоящую в оцепенении Шаошан, она махнула рукой, подозвав почтительно стоявших на коленях недалеко служанок, все они поднялись, чтобы сопроводить их.

Посреди зимы спина Шаошан покрылась холодным потом. Они незамедлительно вернулись в ее маленькую комнатку, Ляньфан и Цяого заранее протопили ее, а заметив вместе с группой людей приближающую госпожу Сяо, спешно преклонили колени, приветствуя ее.

Госпожа Сяо прямиком прошла во внутрь комнаты и села на кровать, одним взмахом руки госпожа Цин Ли удалила всех служанок, Шаошан срочно последовала внутрь. Как раз в это время Ляньфан поспешно поднесла госпоже Цин Ли заранее приготовленный фруктовый сок, а сама сразу же вышла, уведя за собой Цяого.

Госпожа Цин Ли разлила фруктовый сок в две маленькие чашки, сначала почтительно передав

госпоже Сяо, затем Шаошан.

–Мы – мать и дочь, не видевшиеся десятилетие, и было бы вполне естественным некоторое отчуждение между нами, – госпожа Сяо пригубила напиток из чашки, медленно промолвила: – Я не знаю, как наставляла тебя твоя тетя, у меня есть только лишь одна просьба – говори прямо. Не вижу никакого смысла говорить формальные учтивости и ложь.

Госпожа Цин Ли напряженно сказала:

–Госпожа…

Госпожа Сяо подняла руку, пресекая ее дальнейшие слова, пристально смотря на Шаошан, промолвила:

–Все эти дня я тоже была слишком занята, и у меня не было времени как следует поговорить с тобой, однако твой батюшка каждый день навещал тебя, и также день за днём рассказывал мне какая ты смышленая, мой ребенок. Зачем ты притворяешься ничего не понимающей?

Шаошан медленно опустила чашку, подняв голову, и откровенно сказала:

–Не прикидываясь дурочкой, как же можно было продолжать жить рядом с тетей? Чем я глупее, тем довольнее тетя. Если бы я с детства была очень смышленая, разве тетя не нашла бы другие способы справиться со мной?

Госпожа Сяо усмехнулась, проговорила:

–По этой причине ты даже иероглифы не знаешь?

Шаошан по старинке считала себя бесстыжим человеком, но услышав это, невольно покраснела от стыда.

Изначально она полагала, что здесь в употреблении традиционные иероглифы, когда, обратившись к госпоже Цин Ли, весьма уверенная в своих силах, попросила посмотреть какие-нибудь книги, ведь при случае она могла бы выяснить, где все-таки сейчас находится. Но, когда госпожа Цин Ли явилась с подносом в обеих руках с крепко связанными между собой бамбуковыми дощечками, она мрачно почувствовала, что дело приняло дурной оборот. Как и следовало ожидать, все иероглифы были ей незнакомы. По правде говоря, все же среди них имелись некоторые, казавшиеся ей немного знакомыми. Как будто отдельные из них она видела в телесериалах или на вывесках на улицах, они были разнообразные, искривленные и скрученные, весьма чудные и строгие в своей старинной простоте и красоте, и казались ей очень знакомыми, однако, как назло, – она их совершенно не понимала.

Пытаясь прочесть по ее лицу, госпожа Цин Ли тогда снова принесла несколько скрученных бамбуковых дощечек, показавшиеся ей на первый взгляд более новыми. И спасибо небу и земле, на этот раз она из десяти иероглифов была способна узнать три или четыре штуки – она так расчувствовалась, что чуть не заплакала от облегчения.

Обо всех деталях ее грамотности госпожа Цин Ли рассказала госпоже Сяо. Госпоже Цин Ли было все понятно, естественно, это было и ясно и Чэн Ши, и его жене. Госпоже Сяо это было все неважно, напротив, она давно готовилась к еще более худшему результату, ведь ее дочь жила и воспитывалась Гэ-ши десять лет, однако Чэн Ши был раздражен и это не стоило недооценивать, к тому же он кричал несколько раз повсюду, что «прикончит Гэ-ши».

Шаошан, еле шевеля губами, сказала:

–Мне были знакомы несколько…

Госпожа Сяо прямо усмехнулась:

–Сколько же слов ты считаешь, что знаешь? Тем более, ты узнала их по тем тетрадям, которые записывал мелкий чиновник, пусть они кратки и легки для понимания, но универсальны для нас сейчас, – она нахмурилась, – однако в древних доциньских* книгах слова записывались не этими иероглифами.

Она понимала, что такой сорт людишек, как Гэ-ши не умеет даже правильно разбавлять чернила, нечего и говорить, что и обучать она и не намеревалась, ведь даже если бы она хотела чему-то научить, то вряд ли бы смогла научить чему-то хорошему.

*□□ xiānqín – иначе говоря, доциньская эпоха, историческая эпоха, под которой подразумевают периоды Чуньцю и Чжаньго. После воцарения императора Цинь Шихуанди в объединенном Китае стартовала реформа письменности – на основе циньского письма да чжуань, появилось письмо сяо чжуань, очень отличавшееся от письма периода Чуньцю и Чжаньго.

Шаошан ощущала себя так, как будто вернулась во времена обучения в начальной школе, где преподаватель ежедневно находил недостатки в ее знаниях, в большой меланхолии она сказала:

–Я говорила тёте, что не люблю читать, тетя очень обрадовалась этому.

Гэ-ши, кстати, не повезло тоже. Чэн Ши выведал у дочери, что она неграмотна на второй день по приезду, и ведя дочь к матушке Чэн, столкнулся с пришедшей туда же Гэ-ши, которая зашла, чтобы спросить о здоровье (и пожаловаться), он тут же начал бранить ее. Гэ-ши спешно сказала в ответ, что Шаошан сама жаловалась ей на усталость, она вообще любит больше играть и не была склонна к обучению. Гэ-ши просила к себе снисхождения таким образом, но всё же Чэн Ши хорошенько разок поругал ее.

–Вторая госпожа действительно…– сказала госпожа Цин Ли с глубокой ненавистью: – Госпожа, дав подобное образование, она уступила вашей дочери, чтобы сделать, сделать ее…

Неграмотной! Про себя дополнила ее Чэн Шаошан. Она могла представить себе – часто видя невежественную Чэн Шаошан, как же радовалась Гэ-ши.

–Никто не мешает учиться, – сказала с деланным смехом госпожа Цин Ли, – и всё ещё впереди, княжна в будущем, конечно, все компенсирует. Вы не знаете, но в свое время образование

госпожи, не говорю о родной деревне, а в целом, об областях и уездах, также было широко известно…

Шаошан смутно заподозрив неладное, немедленно перебила со смешком:

–По правде говоря, тетя не ошибается, я в самом деле не люблю учиться, должно быть как и батюшка… – в тот день, ради того, чтобы успокоить неграмотную младшую дочь, Чэн Ши напрямик сказал, что он сам очень неграмотен.

Госпожа Цин Ли окаменела, впервые в жизни хватило бы у ней смелости для реакции типа «сидя пошатываться», оказавшись беспомощной в этой ситуации, она посмотрела на госпожу Сяо.

Обладавшая широкими познаниями госпожа Сяо, про себя улыбнулась и подумала: все слухи, которые разносятся снаружи о ее дочери всецело неверны; но это и хорошо, она уже сыта по горло Гэ-ши, этой дурочкой; ведь сталкиваясь с дурнем, ты ясно не понимаешь как вести себя, чтобы настоять на разрыве отношений, и только увидев кровь при столкновениях, понимаешь, что лучше быть умным, чем сильным дураком.

–Тогда просто учись не спеша, – сказала госпожа Сяо, – твой отец с детства занимался земледелием, позже непрерывно воевал и начал только в тридцатилетнем возрасте упражняться в письме. Сейчас докладную записку о делах управления государством, которой его оповещают, когда он совершает инспекционный объезд, он уже способен свободно и без помех прочитать.

Шаошан пожаловалась про себя на свои страдания, но ничего не оставалось, как вежливо сказать в ответ – да, точно так.

Госпожа Сяо к тому же сказала:

–Ты обратила внимание на домашние дела в последние несколько дней, разве ты не полагаешь, что я или твой батюшка оказываем слишком большое давление?

–Как я могу так думать? – поскольку все разъяснилось, осмелилась ответить Шаошан, – Семья Дун, полагаясь на покровительство бабушки, как конская пиявка, присосавшись к телу, сосали кровь из батюшки. Поддерживать одного или двух – мелочь, но я слышала в разговорах батюшки, что они по-прежнему третируют простой народ, а вырвавшись в будущем из-под контроля, разве не вызовут их действия катастрофу? – она усердно старалась подражать в разговоре манере речи древних предков, слышимой ей последние несколько дней, сознательно неплохо водя всех за нос.

Будь на ее месте любая другая мать, даже если бы ей пришлось самой учить свою дочь, она не стала бы так откровенно выставлять на всеобщее обозрение скандалы старших и откровенничать о своих личных делах, но госпожа Сяо в молодые годы пережила огромное горе, и ей было ненавистно воспитывать своих детей так, чтобы они не знали об опасностях мира. А Чэн Шаошан можно считать в прошлой жизни почти не жила с матерью, в этой жизни

была подобна младенцу в лесу и не понимала, как матери и дочери следует жить вместе и по какому правильному пути пойти, когда речь заходит об откровенной беседе. Фактически же правильный ответ должен быть таким – «как я, младшая, могу говорить что-либо о делах старших».

Однако госпожа Сяо списала это и приняла в расчет на счет Гэ-ши «плохую и глупо попустительствующую наставницу».

–Но… – Шаошан слегка колебалась, мимолетно посмотрела на госпожу Сяо. Она ощущала, что госпожа Сяо давно раскусила ее и ее природные склонности, а желание прикидываться дурочкой вызывало отвращение, тем более, она переживала за свое дурное поведение; лучше уж говорить искренне.

Госпожа Сяо сказала:

–Никто не мешает говорить прямо.

Шаошан сказала:

–Коль скоро они нарушили закон, неправильно вызывать отца, чтобы держать их под контролем. Почему бы прямо не велеть чиновникам подвергнуть их наказанию, в конце концов, они являются собственной кровной родней, и если нельзя их обезглавить, то я слышала, как отец говорил, что можно сослать их. Почему бы не отослать их на чужбину, разве так не будет тише и спокойнее?

Госпожа Сяо, нахмурившись, сказала:

–Ты еще такой ребенок, дитя, что ты знаешь о ссылке? Они оба – отец и сын – привыкли вести сытую и веселую жизнь, сослав их, как они могут иметь средства к существованию? Это нарушит гармонию в человеческом обществе. Не более…– она внезапно усмехнулась, – я также размышляла об этом способе, ты понимаешь отчего я им не воспользовалась?

–Как… Почему же? – не из-за нарушения же гармонии в человеческом обществе?

Госпожа Сяо низко склонилась к сидевшей на коленях Шаошан и прошептала:

–Хорошенько подумай сама.

Закончив говорить, госпожа Сяо сразу же поднялась со своего места и ушла, оставив Шаошан в одиночестве обдумывать сказанное.

Ляньфан и Цяого спешно вошли в комнату. Помогли Шаошан переодеться, убрали новенький халат, вытерли лицо, протерли руки, дали прополоскать рот, а потом впихнули под разогретое ватное одеяло, завернули толстенную штору и, прошептав пожелание ей хорошего сна, испарились.

Шаошан подумывала громко рассмеяться, ее поставили в такое положение, что ей еще

оставалось как не вздремнуть. Лежа в постели, она неожиданно вспомнила в предыдущей жизни в поселке одну пару – невестку со свекровью. Свекровь поносила невестку, обзывая ее воровкой, покрывающую многолетнюю недостачу родительской семьи (даже плату за жилье рядом со школой для внука и ту украдкой отдала в материнскую семью неизвестно скольким младшим братьям и сестрам для покупки квартиры), настаивая на разводе сына, который не соглашался. В итоге она так и не узнала, расстаются они или не расстаются, только семья мужа все более неистовствовала, а он уехал устраиваться на временную работу, больше не соглашаясь оплачивать расходы жены. Родной сын, последовав за бабушкой, не был склонен обращать внимание на мать, поэтому брошенная невестка, оказавшаяся на улице, целыми днями поносила во весь голос своего неблагодарного мужа.

По существу старуха из семьи Чэн совсем не та женщина, которая всесторонне и целиком поддерживает во всем своего младшего брата, не походит она и на ту невестку, что охотнее предоставит и себе, и мужу с детьми скудно питаться, но разрешит жить зажиточной жизнью родительскому дому, если не так, то… Хм, в таком случае госпожа Сяо предположила, что может навредить людям. В действительности же отцу и сыну семьи Дун следует выразить благодарность старухе Чэн, в противном случае неизвестно какого сорта практические методы могла применить госпожа Сяо, собираясь призвать их к порядку.

……

Очень удачно, не разрушая гармонию в человеческом обществе, госпожа Сяо вернулась в собственные временные комнаты, где обнаружила, что Чэн Ши уже полулежал на плетеной кровати. Всё его тело пропахло алкоголем, а кожа лица, на которой отсутствовала борода, была очень красна.

Госпожа Сяо, ни капли не удивившись, подошла, неторопливо вытащила заколки и головную шпильку, сняла подвески с пояса, только после этого она позволила Цин Ли распутать узлы, обвязывающие плечо, и уверенно ослабила воротник передней полы халата Чэн Ши, обнажив покрытую потом горячую грудь. Подождала служанку, которая должна была принести большой таз горячей воды, а потом собственноручно обтерла ею мужа. Чэн Ши, проснувшись, спокойно взял бульон от похмелья и выпил его залпом, затем, повернувшись к жене, засмеялся:

–Юанъи!

Цин Ли и несколько обычно прислуживающих служанок, стоявших сбоку, закрыв лицо, потихоньку хихикали, госпожа Сяо пристально посмотрела на Чэн Ши. Развязав лямки на своих плечах, отослала женщин и села сбоку от мужа, взглянув на него с мыслью «И это называется хорошенько обсужу дела со вторым братом? Раз тебе налили, так можно и пить?».

Чэн Ши взял горячее хлопчатобумажное полотенце, вытер лицо, и попутно сказал:

–Второй младший брат столько лет был малоразговорчив, я все еще не знаю, что следует сделать, чтобы он говорил. В последние несколько дней я разговаривал с ним о переезде в личную резиденцию, он всегда был молчалив; когда я доставал его, так он тотчас же говорил, что ему не обязательно переезжать, он останется здесь, потому что ему хочется всего лишь, чтобы было удобно читать. Я был так зол, что у меня, хм, просто были проблемы с ногами; не

мог не воспользоваться случаем в этот раз, второй младший брат уже был немного пьян, я же несколько раз подливал в его чашку, как еще заставить его говорить правду?

Госпожа Сяо подошла поближе, спросив:

– В этот раз он согласился поговорить?

Чэн Ши вытер лицо горячим полотенцем и удрученно сказал:

–Он лишь раз за разом говорил мне: «Старший брат, ты не виноват в том, что я ни на что не годен», и по моим рукавам текли его слезы.

Госпожа Сяо тоже замерла, вспомнив былое, сказала со вздохом:

–В нашей семье чаще всего всегда обижают вторых младших братьев.

Чэн Ши отложил полотенце и прошептал:

–В детстве мы жили в бедности, не было денег, чтобы отправить его учиться, затем случилась военная смута, зато мы как-то познакомились с несколькими конфуцианцами, кто-то порекомендовал отправиться на гору Байлу и заниматься у почтенного учителя Сан, однако, – в его глазах стояли слезы, – мы вдалеке от дома отчаянно сражались, кому-то надо было смотреть за младшими членами семьи, он вызвался сам и дал возможность отправится туда третьему брату.

Глаза госпожи Сяо были полны слез, она промолвила:

–Потом, когда третий младший брат успешно выучился, получив от государя похвалу и вступив в государственную должность, второй младший брат как никто был обрадован. Лишь остается только сожалеть, что он сам…

Чэн Ши одним махом смахнул слезы и сказал:

–Он отличается от третьего младшего брата, он читает не ради вступления в должность и последующей наживы, а именно потому, что он любит читать и изучать канонические книги и древнюю литературу, на этот раз я обязательно исполню его мечту!

Госпожа Сяо счастливо сказала:

–Второй младший брат согласился?

–В итоге кивнул головой в знак согласия! – вздохнул с облегчением Чэн Ши, прикидывая в уме, хитро сказал: – Тот год, когда третьего младшего брата позвали учиться на гору Байлу, был хорошим, этот негодник, только родившись, уже очень походил на отца и посватался к горячо любимой дочери господина Сана. Теперь, можно сказать, что наша семья одной ногой в дверях – мы можем посещать любые дома великих ученых, если у нас есть кто-то, кто нас представит им.

Госпожа Сяо решительно похлопала по кровати, сказав:

–Ладно, после Чжэнданя сразу и отправим в путь второго младшего брата. Как раз я проветрю голову этой сучки!

При этих словах о Гэ-ши душа Чэн Ши стала переполняться гневом:

–Проветрить, что проветрить! Прямо покончить! С такой женой и ее каждодневными упреками в том, что он бесполезный и никчемный человек, второй младший брат и опустил руки! Эта сука продолжала распоряжаться внутри женской половины дома, сея такой раздор! Кто бы мог подумать, что воспользовавшись нашим отсутствием, она самовольно продаст жену и детей А-Дина! Если бы не критические военные действия на фронте, я бы стремился немедленно вернуться и избить её плеткой! Ох! Старый господин Гэ, до чего же крепко он любил ее! И поскольку она не нравится второму младшему брату, то вышла бы повторно замуж, семья Гэ никогда не откажет ей в этом! С какой стати так смотреть друг на друга, если уже приелись.

Госпожа Сяо насмешливо сказала:

–Ты полагаешь, что она не ухватится за мысль снова выйти замуж? – больше десяти лет назад же ухватилась!

–В таком случае почему бы не сделать это?

Госпожа Сяо ясно посмотрела на него:

–Не суй свой нос в это дело, – она приводила в порядок свою одежду и внешность, как будто желая выйти из дома.

Чэн Ши удивленно спросил:

–Куда ты направляешься?

Повернув голову, госпожа Сяо холодно сказала:

–Только что эта сучка присутствовала на банкете и мы прочитали ей нотацию, недавно ты был у второго младшего брата, ей обычно не нравилось ходить туда, а сейчас ты вернулся, и ты думаешь, что она все еще не пошла плакаться и скандалить ко второму младшему брату? Мы вернулись. Так неужели все еще можно смотреть на то, как эта сука подвергает оскорблениям и третирует второго младшего брата?!

http://tl.rulate.ru/book/77281/2694164